

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. Т. ЗОГРАФ

СРЕДНЕКИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

(становление и тенденции развития)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

4И
3-78

Ответственный редактор
С. Е. Яхонтов

Монография является первым опытом исторического исследования среднекитайского языка (разговорного китайского языка X-XV вв.). На основе изучения источников и существующей литературы вопроса (советской, западноевропейской и китайской) в книге дается описание характерных грамматических черт формирующегося литературного языка байхуа и показан ход его последовательного развития.

з 70104-076 207-78 4602010000
013(02) 79

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1979.

ВВЕДЕНИЕ

Начало систематического изучения истории китайского языка характеризовалось тем, что внимание исследователей привлекали в первую очередь древнейшие его формы¹. В дальнейшем, начиная со второй четверти нашего века, объектом пристального внимания языковедов наряду с древнекитайским стал современный китайский язык, которому был посвящен целый ряд трудов, включающий как общие грамматические описания, так и монографические исследования отдельных сторон его строя.

Что же касается среднекитайского языка, то он долгое время оставался совершенно не изученным.

Следует сразу же оговорить, что общепринятого понимания термина "среднекитайский язык" не существует, как до сих пор не существует и общепринятой периодизации истории китайского языка. В частности, Б. Карлгрен называет среднекитайским язык эпох Тан и Сун /46, 32/. У А. Масперо этот период охватывает язык от эпохи Лючao по эпоху Сун с делением на два подпериода /48, 10-11/. Оба исследователя используют чисто фонетические критерии периодизации. Для Ван Ли, который наряду с фонетическими привлекает и грамматические критерии, среднекитайский язык начинается с 1У века и кончается ХП веком /53, 32-35/.

В данной работе в качестве среднекитайского принимается язык эпох Сун и Юань. В его выделении мы опираемся на чисто грамматические признаки. По этим признакам язык эпохи Тан, который безусловно ближе к среднекитайскому, нежели к древ-

¹ Речь здесь идет не о практических пособиях, а о теоретических исследованиях. Подробный обзор истории изучения китайского языка дан С. Е. Яхонтовым в работе "Категория глагола в китайском языке" /36, 3-9/. Исследования, касающиеся древнекитайского языка, кроме того, специально характеризуются им во вводном разделе к очерку "Древнекитайский язык" /35, 17-21/.

некитайскому, может рассматриваться либо как переходный от древнекитайского к среднекитайскому, либо как раннее состояние среднекитайского, но в любом случае он достаточно серьезно отличается от языка эпох Сун и Юань. Поэтому язык эпохи Тан, постоянно привлекаемый ниже как исторический фон, не включается нами в среднекитайский в собственном смысле.

Период Сун–Юань в истории китайского языка примечателен прежде всего в том отношении, что разговорный язык – байхуа, элементы которого в той или иной мере нашли отражение и в текстах предшествующих эпох (в первую очередь – в танских юлу, в дунъхуанских бяньвэнях), в эту пору становится письменным и впредь существует в литературе параллельно вэньяню. Именно на формирование нового литературного языка на основе байхуа и обращено в первую очередь наше внимание.

В интересующий нас период существовала достаточно разнородная в языковом отношении литература. Как указывает С. Е. Яхонтов, для эпохи Сун можно установить наличие трех типов памятников: написанных на разговорном языке своей эпохи (тексты устных рассказов – хуабэнь), написанных на древнекитайском языке (философская проза – гувэнь) и, наконец, таких, в которых сочетаются элементы того и другого языка ("записи речей" – юлу философов неоконфуцианской школы) /37, 53/. Для предшествующей эпохи – эпохи Тан – памятники, написанные целиком на разговорном языке, не засвидетельствованы. Согласно С. Е. Яхонтову, танские тексты написаны либо на смешанном языке (проповеди для простого народа – бяньвэнь – и записи речей буддийских монахов), либо на вэньяне (танская новелла) /37, 53–54/. Естественно поэтому, что, освещая историю формирования нового литературного языка, опирающегося на разговорный, мы используем лишь те тексты, которые содержат соответствующий материал, и совершенно не касаемся текстов, написанных сплошь на вэньяне.

Условия для исследования того периода истории китайского языка, который падает на эпохи Сун и Юань, особенно благоприятны. Это язык, на котором написана весьма разнообразная по своему характеру литература, представленная самыми различными жанрами: песенно-повествовательными произведениями (чжугундяо), многочисленными драмами, рассказами, романами, а также философскими произведениями – юлу (наиболее известные – юлу Чжу Си). Большая доля этого литературного наследия сохранилась до наших дней. Тщательное изучение и всесторонняя лингвистическая интерпретация перечисленных групп источников безусловно необходимы как для заполнения пробела в истории китайского языка, так и для целей общего языкоznания (в первую очередь применительно к языкам, типологически близким к китайскому).

Кроме того, произведения художественной литературы на байхуа периода Сун–Юань интересны и тем, что в них замечаются расхождения в системе грамматических признаков, связанные с местом их возникновения. Две группы памятников – северная и южная, охватывающие произведения, созданные в одно время, но в разных местах, представляют два параллельно развивающихся диалекта ("северный и южный гуаньхуа", как определяет их Люй Шу-сян /59, 148/). Центром распространения северного гуаньхуа был Яньцзин (современный Пекин), южного гуаньхуа – Линьянь (современный Ханчжоу) /59, 11/. К северной группе памятников относятся, например: чжугундяо 劉知遠諸宮詞 "Лю Чжи-юань чжугундяо" и 董解元西廂記 "Дун Цзе-юань си сян цзи" ("Дун си сян"); северные пьесы (цзацюй), 元朝祕史 "Юань-чao би-ши". К южной группе относятся рассказы, вошедшие, в частности, в сборники 京本通俗小説 "Цзин бэнь тунсу сяошо" и 清平山堂話本 "Цинпин шань тан хуабэнь"; роман 水滸傳 "Шуй ху чжуань" в семидесятиглавной версии; южные пьесы (сивэнь).

За истекшие два десятилетия за рубежом и в СССР выполнен ряд монографических описаний языка как отдельных памятников, так и жанров средневековой китайской литературы: "Исследование разговорного языка эпохи Сун по собранию произведений Чжу Си" Г. Кальгрен /45/, "Язык китайской версии "Секретной истории монголов"" М. Хэллидэя /44/, "Очерк грамматики среднекитайского языка (по памятнику "Цзин бэнь тунсу сяошо")" И. Т. Зограф /11/ и ее же "Язык дунъхуанских бяньвэней" /1, ч. 2/. Таким образом, собран и обработан материал, достаточный для того, чтобы последовательно проследить процесс становления среднекитайского языка, дать его общую характеристику на фоне более ранних форм речи (язык дунъхуанских бяньвэней и танских юлу), показать основные линии диалектных различий, наблюдаемые в среднекитайском языке (северный и южный гуаньхуа), и пути перехода к последующему языковому состоянию, зафиксированному в романах ХУ1–ХУШ вв., и далее к современному языку.

Предлагаемое обобщающее исследование строится на следующих, наиболее репрезентативных, памятниках рассматриваемого периода (включая и пограничные эпохи), представляющих важнейшие хронологические этапы развития языка в его основных локальных и жанровых разновидностях:

A. Собственно среднекитайский язык.

1. Повествовательная литература: а) сборник рассказов "Цзин бэнь тунсу сяошо"; б) роман "Шуй ху чжуань" (ХУ в.).

причем мы рассматриваем отдельно его версию в семидесяти главах /условно обозначается ниже "Шуй ху чжуань" (А)/ и последние пятьдесят глав версии в ста двадцати главах /обозначается "Шуй ху чжуань" (Б)/.

2. Драматические произведения: а) северные пьесы: "Си сян цзи" Ван Ши-фу, сборник северных пьес "Юань жэнь цзацэю сюань"; б) южные пьесы: три сохранившиеся сивэнь ("Сяо Сунь Ту", "Чжан Се чжуан юань", "Хуань мэнь цзыди цо лишень").

3. Философские произведения Чжу Си.

4. "Юань-чао би-ши".

Б. Язык предшествующего периода.

1. Дунъхуанские бяньвэни.

2. Танские юйлу.

В. Язык последующего периода.

1. "Си ю цзи" (ХУ1 в.).

2. "Жулинь вайши" (начало ХУШ в.).

3. "Хун лоу мэн" (середина ХУШ в.).

Наиболее ранние памятники интересующего нас периода – сунские рассказы и сунские юйлу. Сунские рассказы, вошедшие в сборник "Цзин бэнь тунсу сюошо" (использовано издание 京本通俗小説。中國古典文學出版社。上海, 1954): 碩玉觀音 "Нянь юй гуаньинь", 菩薩蠻 "Пусамань", 西山一窟鬼 "Сишань и ку гуй", 志誠張主管 "Чжи чэн Чжан чжугуань", 幼相公 "Ao сянгун", 錯斬崔寧 "Цо чжань Цуй Нин", 馮玉梅圓圓 "Фэн Юй-мэй туаньюань", – представляют собой первые литературные произведения на разговорном языке эпохи Сун.

Использованное издание "Цзин бэнь тунсу сюошо" опирается на публикацию Мяо Цюань-суня (1915 г.). Кроме перечисленных семи рассказов в сборник, на котором основана его публикация, входили, по словам Мяо Цюань-суня, еще два – 定州(山)三怪"Динчжоу (шань) сань гуай" и 金主亮荒淫 "Цзинь чжу Лян хуаньинь", но они им были опущены (первый – ввиду плохой сохранности текста, второй – из-за непристойного содержания)². Первый рассказ сохранился в составе сборника 警世通言 "Цзин ши тун янь" (1624 г.), второй – в составе сборника 醒世恒言 "Син ши хэн янь" (1627 г.) и, кроме того, был издан отдель-

³. Каков был в действительности первоначальный состав сборника "Цзин бэнь тунсу сюошо", сказать сейчас трудно, поскольку указанные выше семь рассказов помечаются как его 10–16 цюоини.

Относительно времени создания рассказов, входящих в этот сборник, исследователи высказывают следующие мнения. Чжэн Чжэнь-до, например, считает, что четыре рассказа – "Цо чжань Цуй Нин", "Фэн Юй-мэй туаньюань", "Сишань и ку гуй", "Нянь юй гуаньинь" – без сомнения являются сунскими: они помечены как сунские в минских сборниках. Относительно времени создания рассказов "Ao сянгун", "Пусамань", "Чжи чэн Чжан чжугуань" в минских сборниках нет указаний, но, исходя из их содержания, Чжэн Чжэнь-до считает возможным отнести их к эпохе Сун, рассказ же "Ao сянгун" определяет как южносунский. Чжэн Чжэнь-до допускает, что рассказ "Диншань сань гуай" тоже является сунским, но это устанавливается лишь по его стилю, близкому к стилю рассказа "Сишань и ку гуй". Рассказ "Цзинь чжу Лян хуаньинь", по мнению Чжэн Чжэнь-до, ни в коем случае не мог быть создан в эпоху Сун; он появился в эпоху Мин. Если это так, то и сборник в целом нельзя относить к эпохе Юань, как это делает Мяо Цюань-сунь. Чжэн Чжэнь-до считает, что сборник был составлен в эпоху Мин, вслед за "Цинцин шаньтан хуабэнь", но ранее сборников Фэн Мэн-луна /88, 372–377/.

Иначе датирует рассказ "Цзинь чжу Лян хуаньинь" Сюй Дэ-ань. Исходя из содержания рассказа, он относит его к Южной Сун. Касательно остальных семи рассказов сборника "Цзин бэнь тунсу сюошо" точки зрения Чжэн Чжэнь-до и Сюй Дэ-аня совпадают, но Сюй Дэ-ань специально выделяет южносунские рассказы, к которым относит помимо "Цзинь чжу Лян хуаньинь" и "Ao сянгун" еще "Цо чжань Цуй Нин" и "Фэн Юй-мэй туаньюань" /65, 114–115/⁴. Чжэн Чжэнь-до же такой классификации не производит, и рассказ "Ao сянгун" определен им как южносунский лишь между прочим.

Я. Прушек на основании употребления частицы 𠙴 ды в семи рассказах сборника хронологически располагает их в следующем

³ Оба рассказа в минских сборниках имеют другие названия. Подробнее о существующих изданиях и о различных названиях рассказов сборника "Цзин бэнь тунсу сюошо" см. /63, 18–20, 22, 89/.

⁴ Сюй Дэ-ань оперирует изданием "Цзин бэнь тунсу сюошо", содержащим восемь рассказов, то есть кроме обычных семи еще и рассказ "Цзинь чжу Лян хуаньинь" (金虜海陵王荒淫 "Цзинь лу Хайлин-ван хуаньинь").

² См. предисловие к названному изданию сборника.

порядке: "Нянь юй гуаньинь", "Чжи чэн Чжан чжугуань", "Сишань и ку гуй", "Пусамань", "Цо чжань Цуй Нин", "Ao сянгун", "Фэн Юй-мэй туаньюань". При этом первый рассказ он датирует эпохой Южная Сун, а последний относит к периоду между 1360 г. и 1540 г. (с наибольшей вероятностью – к началу династии Мин), так что разрыв во времени между рассказами оказывается значительным /50, 308/.

Сунские рассказы не исчерпываются сборником "Цзин бэнь тунсу сяошо". Как указывает Сюй Чжэн-ян,⁵ в сборник 古今小説 "Гу-цзинь сяошо", в частности, включены рассказы, созданные начиная с эпохи Сун и кончая эпохой Мин. В число рассказов, которые, по его словам, можно считать сунско-юаньскими, входят также 简帖僧巧騙皇甫妻 "Цзяньте сэн цяопянь Хуанфу ци" и 宋四公大閑禁魂張 "Сун Сы-гун да нао цзинь хунь Чжан". Сопоставление этих рассказов с рассказами сборника "Цзин бэнь тунсу сяошо" показывает, что все они представляют язык одного типа.

Рассказы сунского времени есть и в других сборниках, однако для наших целей мы ограничимся сборником "Цзин бэнь тунсу сяошо", как содержащим наиболее однородный и достаточно четко ограниченный интересующими нас хронологическими рамками материал.

Известно, что письменные памятники – единственный источник информации о состоянии языка прошлых эпох – не дают нам адекватной картины какого-то строго очерченного синхронного среза. Это обусловлено рядом причин и прежде всего тем, что новый письменный язык, отражая современный ему живой разговорный язык, не может быть вполне свободным от влияния письменного же языка предшествующих эпох. Что касается памятника "Цзин бэнь тунсу сяошо", то в нем элементы вэньяня имеют ограниченное употребление (они встречаются в основном в двух рассказах – "Ao сянгун" и "Фэн Юй-мэй туаньюань"⁶ – и носят характер искусственной стилизации); и в целом, в grammatischer systeme языка, они уже не играют определяющей роли. Язык "Цзин бэнь тунсу сяошо" типичен для ряда близких по времени произведений,⁷ в первую очередь для романа "Шуй

⁵ См. предисловие к современному изданию "Гу-цзинь сяошо" /55, 3/.

⁶ Мы их условно именуем "архаизированными".

⁷ Сравнению языка "Цзин бэнь тунсу сяошо" с языком других произведений китайской повествовательной литературы (ХIУ-ХУШ вв.) посвящена первая часть нашей работы "Очерк грамматики среднекитайского языка" /11, 6-28/.

ху чжуань" и народных рассказов эпохи Юань "Сун Юань хубэнь цзи" (宋元話本集.四聯出版社.上海, 1955). Они составляют единую в языковом отношении группу.

Сунские юйлу, как уже говорилось, дают смешанный, полуразговорный, тип языка – в них элементы разговорного языка эпохи Сун и древнекитайские элементы используются примерно в равной мере /37, 53/.

Исследование Г. Кальгрен, специально посвященное языку сунских юйлу, основывается на материале философских работ Чжу Си (1130-1200 гг.). Наследие Чжу Си сохранилось в виде его "Бесед" (朱子語類 "Чжу-цзы юйлэй"), записанных, как можно полагать, прижизненно и многократно публиковавшихся. Одно из первых изданий появилось через тридцать лет после смерти философа. Другие его труды и письма опубликованы под названием 朱子文集 "Чжу-цзы вэнъцзи" (предисловие к одному из изданий этого сборника датировано 1532 г.). Извлечения из обоих собраний, изданные в 1713 г. под названием 御纂朱子全書 "Юй цзуань Чжу-цзы цюаньшу" и включающие около 70% текста "Чжу-цзы юйлэй", легли в основу исследования Г. Кальгрен. Свое мнение об аутентичности текста Г. Кальгрен обосновывает как общими соображениями относительно высокого авторитета и популярности произведений Чжу Си, подкрепленными ссылками на Ли Гуан-ди, издателя последнего сборника (который, по его собственным словам, лишь систематизировал материал тематически и устранил повторения), так и их собственно лингвистическими чертами – соответствием разговорных черт данного источника комментариям Чжу Си на четверокнижие и 近思錄 "Цзинь си лу". По мнению Г. Кальгрен, "Юй цзуань Чжу-цзы цюаньшу" отражает реальный "мандаринский" язык эпохи Чжу Си – разговорный язык образованного класса. Как и А. Масперо в танских юйлу (см. ниже), она не видит здесь диалектных особенностей и считает, что человек, разъезжавший по всей стране и общавшийся с выходцами из различных провинций, должен был пользоваться межпровинциальным разговорным стандартом. Однако коллоквиализмы неравномерно представлены в "Юй цзуань Чжу-цзы цюаньшу": некоторые из 66 книг (цзюней) произведения ими изобилуют, в других их почти нет (цз. 36, 39, 56, 63, 64 и 66). Естественно, что "Чжу-цзы юйлэй" – дословные записи лекций философа – должны отражать его разговорную речь. Значительный удельный вес здесь литературных выражений, по мнению Г. Кальгрен, обусловлен тем, что в сунское время разговорный язык был ближе к литературному, чем

ныне, т. е. определенные служебные слова и частицы, типичные для классического литературного языка и воспринимаемые нами как настоящие вэньянизмы, во времена Чжу Си могли употребляться в живой речи. Другой причиной проникновения вэньянизмов в "Чжу-цзы юйлэй" могло быть, конечно, и намеренное введение Чжу Си в свою речь литературных выражений, доступных его образованной аудитории. Вместе с тем Г. Кальгрен находит большое число лексических и грамматических признаков разговорного языка и в "Чжу-цзы вэнъцзи". Интересно, что в комментариях, о которых уже шла речь выше, разговорные элементы гораздо чаще отмечаются в отрывках, являющихся цитатами из братьев Чэн, нежели в отрывках, написанных самим Чжу Си.

Согласно Г. Кальгрен, целый ряд разговорных элементов, зафиксированных в литературе на байхуа этого времени, в текстах Чжу Си либо встречается очень редко, либо вовсе не встречается (употребляются только соответствующие древнекитайские).⁸ Так, в текстах Чжу Си не наблюдается редупликации глагола для выражения кратковременного действия; нет и редупликации терминов родства; совершенно отсутствует суффикс существительных 爾 эр; нет вопросительной модальной частицы 麻 ма, повелительной частицы 處 ба (время от времени можно встретить древнекитайские модальные частицы 耳 эр, 也 е и 矢 и); не употребляет Чжу Си повторный вопрос типа 来不來 лай бу лай; из глаголов с пассивным значением у него встречается только 被 бэй, но не 被 чи; суффикс множественности 们 мэн и показатель определения ды (厶) используются очень редко. Кроме того, тексты Чжу Си дают расхождения (в сравнении с другими, хронологически близкими, текстами) в функциях одних и тех же грамматических элементов. Так, слово 甚 麻 шэмма в сочетании с существительным не выступает у Чжу Си в функции подлежащего; слово 由 乎 дошао встречает-

⁸ Внимание Г. Кальгрен сосредоточено на рассмотрении только разговорных элементов языка эпохи Сун (да и то, разумеется, не всех) и на том, как они представлены в текстах Чжу Си в целом и в их отдельных частях, то есть в "Чжу-цзы юйлэй" и "Чжу-цзы вэнъцзи". Круг описанных Г. Кальгрен грамматических элементов и конструкций несколько уже рассматриваемого в нашей работе, и этим объясняется сравнительная неполнота данных, касающихся языка Чжу Си, в некоторых из следующих ниже разделов книги.

ся лишь случайно и всегда как неопределенное, но не как вопросительное; перед словом 許多 сюйдо из указательных местоимений возможно 許 на, но не 許 чжэ.

Дальнейшей стабилизации наряду с вэньянием новой литературной нормы – байхуа – в немалой мере способствовали политические события эпохи Юань. Монголам, вторгшимся в Китай в XIII в. и правившим всем Китаем с 1280 по 1368 г., пришлось управлять страной, культура которой находилась на несравненно более высоком уровне, чем их собственная. Новые правители пытались уничтожить традиционную китайскую культуру; они отменили систему государственных экзаменов, которую, однако, впоследствии пришлось восстановить, и пытались упразднить иероглифику. Но в то же время культурная политика монголов явилась стимулом к использованию китайского разговорного языка. Письменный язык, основанный на нормах разговорной речи, стал официальным языком монгольской администрации наряду с монгольским. Язык первых монгольских документов, написанных на байхуа, очень небрежен – в этом виден результат поспешного перевода текстов с монгольского, перевода настолько буквального, что сохраняется свойственный монгольскому языку порядок слов /см. 43, 79–81; 52, 65–80/.

От эпохи Юань до нас дошла относительно богатая литература на разговорном языке, представленная главным образом жанром драмы.

Китайская драма в этот период достигла расцвета.⁹ На севере Китая получили распространение пьесы в жанре цзацзюй, на юге – в жанре сивэнь. Жанр цзацзюй в дальнейшем проник и на юг; что касается сивэнь, то, по мнению Чжэн Чжэнь-до, вполне возможно, что они, в свою очередь, со временем стали продвигаться на север /87, 683/. Юаньские цзацзюй известны достаточно хорошо – значительное количество текстов такого рода сохранилось до настоящего времени. Наиболее плодотворным периодом развития цзацзюй был начальный (до 1300 г.), когда центром распространения этого жанра служил Пекин (тогдашний Даду). Именно благодаря драматургам, творившим в этот период (среди них достаточно назвать имена Гуань Хань-цина, Ван Ши-фу, Ма Чжи-юаня – все родом из Пекина), жанр цзацзюй вошел в историю китайской литературы. Во второй период (с 1300 г. до конца юаньской династии) центр распространения цзацзюй постепенно перемещался в Ханчжоу¹⁰.

⁹ О ситуации, стимулировавшей развитие драмы, см. статью В. В. Петрова "Юаньская драма" /29, 1–8/ и предисловие Л. Н. Меньшикова к пьесе Ван Ши-фу "Западный флигель" /4, 5–7/.

¹⁰ О жанре цзацзюй см. /87, 630–682/.

Тексты цзацзюй дошли до нас в издании эпохи Мин. Сборник "Юань щой сюань", подготовленный минским составителем Цзан Цзинь-шу, в его современном переиздании (元曲選.臧晉叔編.1-4, 文學古籍刊行社.北京, 1955) послужил основой дальнейших перепечаток. На этот текст в издании "Юань жень цзацзюй сюань" (元人雜劇選.人民文學出版社.北京, 1959) и на пьесу "Си сян цзи" Ван Ши-фу мы и опирались в предпринятое нами несколько лет назад описание языка юаньской драмы. Пьесы сборника "Юань жень цзацзюй сюань" подробно охарактеризованы в "Полном каталоге юаньских цзацзюй" Фу Си-хуа /72^a/ . Там указаны все существующие издания каждой пьесы и различные названия ее.

Пьеса "Си сян цзи", написанная в самом начале ХIУ в., взята нами в современном издании, подготовленном Ван Цзи-сы (王實甫, 西廂記.王季思校注.上海, 1954). Эта популярная пьеса за время своего существования переиздавалась множество раз. В 1954 г. одновременно с вышеназванным, вышло и другое ее критическое издание – У Сяо-лина (王實甫.西廂記.吳曉鈴校註.北京, 1954). Оба ученых стремились восстановить подлинный текст пьесы, освободив его от позднейших наслоений и искажений, для чего ими привлекались уникальные экземпляры произведения. Пьеса "Си сян цзи" долгое время была известна в редакции Цзинь Шэн-тая (1610–1661), значительно изменившего ее текст. Между текстами, подготовленными Ван Цзи-сы и У Сяолином, нет полного соответствия. Расхождения объясняются, вероятно, тем, что за основу они брали разные издания. Относительно автора пьесы "Си сян цзи" нет единого мнения. Согласно традиционной точке зрения, автором первых четырех глав является Ван Ши-фу, последняя, пятая, глава написана Гуань Ханьцином.¹¹

Юаньские пьесы, дающие прекрасный материал для исследования северного диалекта китайского разговорного языка ХШ–ХIУ вв., ранее не подвергались специальному грамматическому исследованию. Внимание исследователей привлекала в первую очередь лексика северных пьес, отличающаяся своеобразием и нелегко поддающейся переводу и истолкованию. Дело здесь не только в том, что, как пишет Л. Н. Меньшиков, "образные и идиоматические выражения в "высоких" жанрах китайской литературы (классическая поэзия, ритмическая проза и т. д.) заимствовались из исторических произведений на протяжении веков,

¹¹ Подробнее об изданиях пьесы "Си сян цзи" и о ее авторе см. работы Л. Н. Меньшикова /15; 16/.

тщательно фиксировались в словарях, тогда как художественно-речевые средства в "простонародных" жанрах (драма, новелла, роман и т. д.) зачастую переходили из произведений "простонародной" же литературы, из народных легенд, и, для того чтобы выяснить значение той или иной идиомы, нередко приходится предпринимать большую исследовательскую работу" /16, 166/. Помимо этого следует учитывать и то обстоятельство, что язык северных пьес явно подвергся влиянию монгольского.

В числе капитальных исследований лексики, выполненных китайскими учеными и служащих незаменимым подспорьем при изучении юаньских пьес, заслуживают упоминания прежде всего "Комментированное собрание лексики из поэзии и драмы" Чжан Сяна /84/, "Исследование диалектизмов в драме периодов Цзинь и Юань" Сюй Цзя-жуя /66/, "Толкование просторечных выражений и диалектизмов в юаньской драме" Чжу Цзюй-и /86/.¹²

Южные пьесы сивэнь, которые, по мнению Чжэн Чжэнъ-до, были в свое время так же широко распространены, как и цзацзюй /87, 683/, в большинстве своем до нас не дошли, и известно о них очень мало. Полностью сохранились тексты всего лишь трех сивэнь, вошедших в энциклопедию 永樂大典 "Юн-лэ дадянь"¹³: 小孫屠 "Сяо Сунь Ту", 張協狀元 "Чжан Се чжуан юань" и 官門子弟錯立身 "Хуань мэнъ цзыди цо лишэнъ" (в издании: 古本戲曲叢刊初集.商務印書館.上海, 1954, 第一函, 第一冊).

Авторы пьес сивэнь неизвестны.¹⁴

Одновременное привлечение северных и южных пьес очень важно, поскольку при изучении памятников разной диалектной принадлежности весьма существенным является сравнение произведений одного жанра – оно позволяет выявить особенности, обусловленные жанровой принадлежностью памятников. В частности, следующие грамматические явления составляют специфику пьес, как северных, так и южных, и отсутствуют в других про-

¹² Эти книги вызвали отклики в китайской печати – появились статьи, уточняющие или дополняющие отдельные содержащиеся в них положения. Особенно заслуживают упоминания статьи Пань Гэна /62/ и Цай Мэй-бяо /80/.

¹³ Энциклопедия "Юн-лэ дадянь" была составлена при минском императоре Чэн-цзу (1403–1424), правившем под девизом Юн-лэ, а отсюда и название энциклопедии. Как известно, она представляла собой в основном литературную энциклопедию – в нее вошли полные тексты многих произведений, в том числе и пьесы сивэнь. Большая часть энциклопедии не сохранилась до наших дней (подробнее см. /17, 9/).

¹⁴ Характеристику жанра сивэнь см. /87, 683–692/.

изведениях: слово **自家** цзыция, употребляющееся в памятниках средневековой китайской литературы наряду с **自己** цзыцизи в значении "сам" (цзыцизи сохранилось и в современном языке), в пьесах чаще выступает в значении местоимения первого лица "я"; иероглиф **彼** и, весьма распространенный в эпоху Тан в значении местоимения 3-го лица "он", в пьесах употребляется как графический вариант местоимения 2-го лица **你** ни "ты"; помимо указательных местоимений **這** чжэ и **這個** чжэгэ, обычных во всех текстах (в том числе и в пьесах), в пьесах используется форма **這的** чжэды; в качестве указательного местоимения в пьесах выступает и **兀** юй уды, как в функции определения ("этот"), так и в функции подлежащего ("это").

Самым значительным памятником повествовательного жанра эпохи Юань является роман "Шуй ху чжуань". Как полагают ученые, роман был написан в 60-х гг. Х1У в. Первоначальный текст романа и его первые издания до нас не дошли. Самое раннее из известных изданий принадлежит Го Сюню (ХУ1 в.). Из более поздних изданий заслуживают упоминания два: одно, наиболее полное, в 120 главах, вышло в 1614 г. (его издали Ян Дин-цзянь и Юань У-я); второе, содержащее 71 главу первого, появилось под редакцией Цзинь Шэн-тая около 1641 г. В последнем издании, более популярном, текст претерпел ряд изменений, в частности, первая глава стала прологом, было исключено много стихов и др. Относительно первоначального текста романа, равно как и о его авторе, существуют различные точки зрения. Большинство ученых признает автором романа "Шуй ху чжуань" Ши Най-аня.¹⁵

¹⁵ Подробнее об этом см. диссертацию Пан Ина "К истории создания китайского классического романа "Шуйху-чжуань" ("Речные заводи")" /19/. Нами использованы современные издания романа: 施耐庵. 水許. 作家出版社. 北京, 1953 и 施耐庵. 一百二十回的水許. 商務印書館. 上海, 1958. Ниже, в разделах "Грамматического очерка", роман "Шуй ху чжуань" рассматривается перед юаньскими пьесами – непосредственно вслед за сунскими рассказами. Такая последовательность изложения материала более удобна, поскольку роман "Шуй ху чжуань" и сунские рассказы объединены и жанровой, и диалектной принадлежностью.

Б. Карлгрен, первым предпринявший попытку сравнения языка памятников средневековой китайской литературы /47/,¹⁶ пришел к выводу, что последние пятьдесят глав пространной версии /мы обозначаем их "Шуй ху чжуань" (Б)/ не принадлежат автору первых семидесяти глав /обозначаются "Шуй ху чжуань" (А)/; они не входили в первоначальный вариант романа, а были добавлены позднее. В своем суждении он основывается на лингвистических критериях: вопросительное предложение, не содержащее никаких специальных морфем или конструкций, т. е. формально неотличимое от повествовательного, распространено в "Шуй ху чжуань" (А), но в (Б) его можно встретить только случайно; союз **因為** инъвэй (или вэйинь) встречается в "Шуй ху чжуань" (А), но отсутствует в (Б); в "Шуй ху чжуань" (Б) совершенно не встречается местоимение **兀** юй ушуй; суффикс **兒** эр там гораздо менее употребителен, чем в "Шуй ху чжуань" (А). С другой стороны, в "Шуй ху чжуань" (Б) отмечены грамматические явления, не свойственные "Шуй ху чжуань" (А): слово **兀是** уши 'так', 'такой', суффикс множественности **每** мэй. Интересно, что оба эти явления фиксируются только в главах 90–109. Мы могли бы еще добавить, что в пределах глав 90–109 употребляется местопредикатив **恁般** жэнъбань, отсутствующий в "Шуй ху чжуань" (А), и вопросительный местопредикатив **怎麽** цзэмма, необычный для него. Тот факт, что чуждые "Шуй ху чжуань" (А) явления сосредоточены в главах 90–109 /они составляют середину "Шуй ху чжуань" (Б)/, Б. Карлгрен объясняет небрежностью редактора, который правил этот текст по образцу "Шуй ху чжуань" (А) и был более внимателен в начале (71–89 главы) и в конце (110–120 главы) редактирования.

Другие исследователи романа "Шуй ху чжуань" не отвергают всех пятидесяти заключительных глав, а лишь спорят о том, какие из них входили в первоначальный вариант романа, а ка-

¹⁶ Б. Карлгрен преследовал в своей работе две цели: основную – показать, что язык произведений средневековой китайской литературы неоднороден, и побочную – выяснить, однородны ли части двух больших романов: "Шуй ху чжуань" и "Хун лоу мэн".

кие – нет. Большинство их сходится в том, что главы 90–109 представляют явную интерполяцию.¹⁷

Особое место среди привлеченных текстов занимает "Юань-чao би-ши", представляющий собой не оригинальное китайское произведение, а перевод монгольского сочинения.¹⁸

Как известно, монгольский текст "Юань-чao би-ши" в оригинале уйгурского письма не сохранился. Имеется транскрипция этого текста китайскими иероглифами с подстрочным китайским переводом каждого монгольского слова, а также сокращенный перевод всего произведения на китайский язык (именуемый в дальнейшем "китайской версией"), который и интересует нас в данной работе. Монгольская версия "Юань-чao би-ши" была предметом специального изучения и лингвистов, и историков; китайская версия, как перевод, да к тому же еще сокращенный, до последнего времени изучалась мало. Интересна она прежде всего своим языком. Исследованию ее в этом плане посвящена уже упоминавшаяся монография М. Хэллидэя «Язык китайской версии "Секретной истории монголов"».¹⁹

¹⁷ См. об этом, в частности, статью Пан Ина "О первона-чальном варианте романа "Речные заводы" Ши Най-аня" /20/, где автор полемизирует с проф. Чжэн Чжэнъ-до относительно глав 83–89. П. Демьеиль в своей рецензии на книгу Р. Ирвина (R.G.Irwin, The evolution of a Chinese novel: Shui-hu-chuan) /41/ указывает, что одновременно со статьей Б. Карлгрена в Токио появилось другое лингвистическое исследование романа "Шуй ху чжуань". Автор его, М. Аиура, прибегает к иным, чем Б. Карлгрен, лингвистическим критериям и приходит к другим результатам. Согласно М. Аиура, пространная версия по языку распадается на три основных части (главы 1–50, 51–90, 91–120 с еще более дробным дальнейшим членением). Единственный пункт, в котором мнения обоих исследователей совпадают, касается лингвистического своеобразия глав 90 (91) – 110.

¹⁸ Характеристику памятника см. /30/.

¹⁹ В работе М. Хэллидэя есть раздел, посвященный изучению текста "Юань-чao би-ши" в современном Китае, Японии и на Западе, и дана подробная библиография вопроса. Сама эта монография заслуживает внимания еще и как первый опыт описания среднекитайского текста с позиций лондонской школы структурной лингвистики. В зарубежной печати на нее появилось несколько рецензий (см., в частности: BSLP, t. 56, 1961, N 2, с. 338–344; AO, vol. 25, 1960, с. 341–342; BSOAS, vol. 24, 1961, с. 376–378); у нас опубликована рецензия М. В. Софронова ("Исследования по структурной типологии", М., 1963, с. 251–259). Для настоящей работы мы, однако, сами предприняли расписку всего текста. Она, как и анализ М. Хэллидэя, опирается на издание: 元朝祕史. 商務印書館, сер. 四部叢刊. 上海, 1936.

Точная дата составления "Юань-чao би-ши", как и ее китайского перевода, неизвестна. Монгольская версия была написана в XIII в. (разные ученые указывают разные годы). Предполагается, что китайский перевод был сделан не менее чем на сотню лет позднее – вероятно, вскоре после падения монгольской династии или даже в 1404 г. /44, 1/. Текст "Юань-чao би-ши" сохранялся в Китае в различных рукописях и изданиях, восходящих в конечном счете к двум незначительно расходящимся первоизданиям: энциклопедии "Юн-лэ дадянь", ныне утраченной, и минскому изданию (от него сохранилась 41 страница), в целом современному первому и, очевидно, восходящему к общему с ним источнику. Основное различие между ними состоит в том, что текст в "Юн-лэ дадянь" делился на 15 глав, а второй – на 12 (десять основных и две дополнительных). В XУШ в. Гу Гуан-ши (1776–1835 гг.) сверил двенадцатиглавный вариант с пятнадцатиглавным. Подготовленный им текст был в 1936 г. фотолитографически издан шанхайским "Коммерческим издательством" в серии "Сы-бу цун-кань"; при этом была использована 41 страница, сохранившаяся от оригинального минского издания.²⁰

Для лингвиста текст "Юань-чao би-ши" представляет особый интерес по двум причинам: во-первых, он написан разговорным языком и, следовательно, занимает важное место среди памятников, позволяющих изучать историю китайского языка; во-вторых, он представляет особый стиль – повествования об исторических событиях, причем своеобразие его в данном случае обусловлено еще и тем, что произведение носит переводный характер.²¹ Это не могло не сказаться на грамматическом строении "Юань-чao би-ши". С одной стороны, мы не встречаем в нем такого разнообразия языковых средств, которое свойственно оригинальным китайским текстам (нет местопредикатива 誰, жень и всех его форм, вопросительного местопредикатива 怎麼, цзэмма, отрицательного глагола 沒, мэй, модальных частиц

²⁰ Подробнее об этом см. /44, 20–22/.

²¹ Согласно М. Хэллидэю, в современном Китае за "Юань-чao би-ши" не признается литературных достоинств. Это сочинение редко упоминается в историях китайской литературы; оно не подпадает ни под один из признанных жанров. В "Сы-бу цун-кань" оно помещено в разделе "История". Сам М. Хэллидэй усматривает близость "Юань-чao би-ши" к коротким рассказам (которые собраны в "Гу-цзинь сяошо") и считает, что именно с этими рассказами, наряду с юаньской драмой, должно быть проведено систематическое лингвистическое сравнение данного текста /44, 23/.

能 **ба и哩** ли, предлога со значением совместного участия в действии 和 хэ, вопросительного 邪 裏 нали для выражения риторического вопроса и т. д.), с другой стороны, там отмечены грамматические явления, необычные для китайской художественной литературы того же периода (в частности, для юаньских пьес) и объяснимые как кальки с монгольского. Так, причинное придаточное предложение оформляется посредством 上 頭 шантоу, стоящего в конце придаточной части, при этом в начале ее могут быть употреблены, кроме того, союзы 因 инь или 為 вэй; частица 麽道 мадао завершает прямую речь; отдельно 有 ю, а также сочетание 有來 ю-лай употребляются как модальные частицы.

Поскольку северный диалект юаньской эпохи в китайской литературе представлен в основном жанром драмы, данные "Юань-чао би-ши", отражающего именно разговорный язык, да еще в его упрощенном виде, оказываются особенно важными в тех случаях, когда рассматриваются грамматические явления, составляющие специфику северных памятников.²²

Чтобы более наглядно представить процесс становления среднекитайского языка, мы повсеместно сопоставляем его с состоянием языка предшествующего периода.²³ Это облегчается тем, что от эпохи Тан сохранилась разнородная литература, в какой-то мере также отразившая разговорный язык: танские юйлу (записи речей буддийских монахов), бяньвэни, стихи и др.

Языку танских юйлу посвящены две работы: А. Масперо "О некоторых древних текстах китайского разговорного языка" /49/ и Гао Мин-кай "Грамматические элементы, встречающиеся

22 Как указывает М. Хэллпидэй, язык "Юань-чао би-ши" имеет много точек соприкосновения с языком других образцов разговорного китайского языка, таких, как юаньская драма и минские романы. Но задачи обстоятельный сравнения он себе неставил, поскольку это потребовало бы столь же тщательного исследования языка и этих текстов /44, 5-6/. Насущную необходимость такого сравнения в недавнем прошлом подчеркивал Э. Хэниш /42, 153-159/.

23 В соответствии с этим каждое грамматическое явление, затрагиваемое в разделах "Грамматического очерка", составляющего корпус работы, рассматривается в ходе его последовательного развития от языка предшествующего периода через среднекитайский к современному.

в юйлу секты Чань (дхьяна) эпохи Тан" /54/.²⁴ Как указывает А. Масперо, монахи школы дхьяна записывали в поучение верующим речи, проповеди и беседы знаменитых учителей их секты. Некоторое число таких записей сохранилось. В более поздних из этих записей все речи учителей воспроизведены разговорным языком, и только обрамляющее повествование, кстати очень короткое, написано литературным языком. То же самое относится и к текстам эпох Сун и Юань. Однако в наиболее далеко отстоящих от нашего времени текстах разговорная часть сравнительно мала: диалоги даются разговорным языком, а проповеди и речи излагаются литературным. Наконец, наиболее древние из них написаны целиком письменным языком. Самые древние тексты, содержащие пассажи на разговорном языке, которые удалось обнаружить А. Масперо, восходят к 1Х в. А. Масперо воспроизводит их в хронологическом порядке и дает к ним биографические и библиографические справки. Аутентичность первых четырех приведенных А. Масперо текстов им гарантируется: их авторы – лица известные, и сама история текстов может быть точно прослежена вплоть до эпохи, в которую они были созданы. Из этих четырех текстов А. Масперо извлек некоторые сведения о разговорном языке первой половины 1Х в. Диалектных особенностей он в них не видит и считает их образцами официального языка – гуаньхуа, практически известного в ту пору каждому образованному человеку /49, 1-11/.

Другой жанр литературы эпохи Тан представляют собой бяньвэни. Нам неизвестны специально посвященные языку бяньвэней монографии китайских или европейских ученых, но в ряде статей на китайском языке в той или иной мере он затрагивается. Назовем следующие из них: Юй Ся-лун "Анализ употребления слова 住ши в дуньхуанских бяньвэнях" /91/, Гэ И "Происхождение конструкции со служебным словом 住 ба" /56/, Чэнь Чжи-вэнь "Происхождение указательного местоимения (ближнее указание) 這 чжэ" /90/, Ху Чжу-ань "Происхождение слова 來 лай ("около", "приблизительно")" /74/, Хэ Жун "О некоторых местоимениях периода Лючao" /73/. Исследование лексики бяньвэней посвящена книга Цзян Ли-хуна "Толкование слов дуньхуанских бяньвэней" /81/; о лексике бяньвэней написана и статья Сюй Фу "Исследование слов дуньхуанских бяньвэней" /64/ (см. также /85/).

24 С работой Гао Мин-кай мы имели возможность ознакомиться по конспекту, любезно предоставленному нам С. Е. Яхонтовым. При сравнении языка бяньвэней и юйлу мы основываемся только на названных двух работах, почему и затрагиваем лишь те явления, которые нашли в них освещение.

Двухтомный сборник дуньхуанских бяньвэней "Дуньхуан бяньвэн цзи" (敦煌變文集). 王重民、王慶菽、向達、周一良、啓功、曾毅公編. 人民文學出版社. 北京, 1957), на материале которого строятся наши выводы, содержит около восьмидесяти произведений и включает, помимо собственно бяньвэней, цзянцзинвэни, яцзовэни и некоторые другие формы повествования.²⁵ Часть произведений, представленных в двухтомнике, датирована, причем все даты относятся к X в. Однако, поскольку означают они время переписки текстов, не исключено, что хотя бы некоторые из этих произведений были созданы несколько раньше — в 1X в. Бяньвэнь 電恩記 "Шуан энь цзи", хранящаяся в собрании рукописей ЛО ИВ АН СССР (шифр Ф-96) и не вошедшая в двухтомник, представляет собой цзянцзинвэн — она строится на опорных цитатах из сутры, которые сопровождаются прозаическими пересказами содержания сутры и стихами (таким образом, цитаты отражают язык эпохи Лючao; стихи и пересказы — язык эпохи Тан).²⁶ Рукопись не содержит ни указаний на время создания сочинения, ни даты переписки. По косвенным данным (в частности, палеографическим) можно считать, что она была переписана в конце X — самом начале XI в. /1, ч. 1, 134-136/.

Как яствует из рассмотренных материалов, в период Тан становятся обычны местоимение 3-го лица 他 та, наречие 已же, предлог 为 юй "для"; в это время появляются и либо уже представлены достаточно широко, либо получают распространение в период Сун-Юань следующие грамматические явления: местоимение 2-го лица 你 ни, возвратные местоимения 自家 цзыцэя и 自己 цзыци, указательное местоимение 這 чжэ, отрицательный глагол 沒 мэй, вопросительная частица 麥 ма, причинный союз 因乎 сои, отрицательная форма связочного сказуемого 不是 бу ши, служебные слова 把 ба и 將 цзян, употребление глаголов с пассивным значением в начале самостоятельного предложения, употребление показателей побудительной конструкции между подлежащим и сказуемым и т. д.

И хотя грамматические явления, зафиксированные в бяньвэнях, оказываются в большинстве своем общими для текстов этого

25 Подробнее об этих жанровых формах см. /2, 14-29/.

26 Для целей настоящей работы интересны, следовательно, лишь стихи и части, содержащие пересказ.

го периода в целом,²⁷ полного совпадения языка бяньвэней и языка юйлу, конечно, нет. Так, в юйлу, в противоположность бяньвэням, более распространено указательное местоимение 這 чжэ, а не 之 цы; как и в современном языке, чжэ встречается и самостоятельно, и со счетным словом (обычно 個 гэ); при подчеркивании единственного или множественного числа соответственно используются — и или 些 се; вопросительное местоимение 甚麼 шэмма встречается чаще, чем просто 甚 shэнь; в юйлу обычны местопредикативы чжэма (者磨, 這麼), жэмма (怎磨), вопросительная частица 麥 ма, вопросительный местопредикатив 作磨生 цзомашэн и др. Такие расхождения в какой-то своей части обусловлены жанровой спецификой названных текстов. Вместе с тем хочется отметить, что юйлу по ряду черт языка оказывается ближе к текстам периода Сун-Юань, чем бяньвэн. Очевидно, что юйлу в большей степени отражали разговорный язык эпохи.

Особенностей языка эпохи Сун-Юань по сравнению с предшествующим периодом и с современным китайским²⁸ мы коснемся в заключении данной работы, после развернутой характеристики первого.

Здесь остается только назвать основные работы, касающиеся частных вопросов грамматики языка интересующего нас периода. Это прежде всего исследования М. В. Софонова /25; 26/ и чешского китаиста Я. Прушека /50; 51/ и ряд статей китайских лингвистов: "Модальные частицы в произведениях на байхуа эпохи Сун-Юань" Ху Чжу-яня /75/, "Конструкция "x 着里" "x чжао ли" в раннем байхуа" Сяо Фу /69/, "Слово

27 Интересно, что значительная часть разговорных элементов, представленных в двухтомнике бяньвэней, в рукописи "Шуан энь цзи" отмечена только в стихах (например, местоимение та, указательное местоимение чжэ, служебное слово ба, предлог юй "для", показатель побудительной конструкции 造 цзянь, служебное слово 次 цы). Некоторые из таких разговорных элементов вообще в рукописи отсутствуют (например, местоимение ни, возвратные местоимения цзыцэя и цзыци и др.).

28 Под современным языком подразумевается прежде всего современный литературный язык байхуа. Не исключено, что некоторые явления, квалифицируемые как нехарактерные для современного языка, могут встретиться в современных диалектах.

須 суй в раннем байхуа" Юнь Баня /92/, "Служебное слово 地 ди в Шуй ху чжуань" Ху Чжу-аня /76/, "Употребление 將 цэян в раннем байхуа" Тань Юн-сяна, Яо Вэнь-шаня и Лоу Си-юаня /71/, "Значение некоторых диалектизмов в Шуй ху" Чжан Вэй-цэина /82/, "Употребление 但 дань в Шуй ху" Хуан Юе-чжоу /78/, "Конструкции с 把 ба, 將 цэян и 被 бэй в Шуй ху" Сян Си /67/, "Конечные модальные частицы 見個 цээгэ, 著 чже, 著 чжо, 自 цэа, 罷 ба, 波 бо в новокитайском языке" Сюй Дэ-аня /65/ и "在那裏 цэай нали, 正在 чжэн цэай и 在 цэай" Сяо Фу /68/. Большого внимания заслуживают капитальный труд Ван Ли (Ван Ляо-и) "Опыт истории китайского языка" /53/ и "Сборник статей по грамматике китайского языка" Люй Шу-сяна /59/, без обращения к которым немыслимо серьезное исследование любого периода истории китайского языка. Полезна также монография Ота Тацуо "Историческая грамматика современного китайского языка" /94/, хотя в интересующем нас плане она мало прибавляет к упомянутым выше работам.

Описываемый нами среднекитайский язык нередко именуется также "разговорным языком эпохи Сун и Юань". Это определение не следует, однако, понимать в стилистическом смысле. Как разговорный, он принимается в противовес классическому письменному языку (вэньяню). Фактически же речь идет о письменно зафиксированном новом литературном языке байхуа, и задача разграничения в нем разговорного и письменного стилей нами не ставится.

Вообще параллельное существование в Китае двух литературных языков – вэньяння и байхуа – значительно осложняет воспроизведение исторического развития последнего. При сопоставлении памятников разных эпох ряд наблюдаемых в них языковых изменений может отражать не только процесс прямого исторического развития байхуа, но и результат сознательного выбора стиля.

Как и в других работах по истории китайского языка, чтение иероглифов дается в современном пекинском произношении. При этом все морфемы даются в "полном" чтении (словарном, не редуцированном), за исключением 的 как ды и 麻 как ма.

Сокращенные обозначения использованных текстов, принятые в работе для документации примеров, приведены на стр. 314. Примеры из стихов отмечены знаком +.

Согласно китайской языковедческой традиции, все слова делятся прежде всего на две основные группы: 1) полные, или знаменательные, слова и 2) пустые, или служебные, слова.

Первая группа подразделяется далее на существительные, числительные, прилагательные и глаголы; вторая группа – на полузнаменательные слова (наречия), полуслужебные слова (связки и слова-заместители), чисто служебные слова (соединительные слова, модальные частицы и др.) /3, 45–47/.

Как указывает А. А. Драгунов, пустые, или служебные, слова в отличие от полных, или знаменательных, слов характеризуются отсутствием тональности и неспособностью присоединять к себе именной суффикс 的 ды. Настоящими пустыми словами, отвечающими обоим названным признакам, являются модальные частицы. Полузнаменательные наречия имеют свой тон, но не оформляются суффиксом ды. Личные местоимения могут оформляться этим суффиксом, но в роли дополнения бывают лишены своего индивидуального тона /8, 13/.

Во избежание двусмысленности служебные слова в широком смысле ниже мы именуем пустыми, а чисто служебные слова – просто служебными.

В грамматическом строе китайского языка служебные слова занимают очень важное место. Поскольку китайский язык лишен морфологии, грамматические отношения в нем выражаются помимо порядка слов именно с помощью служебных слов. Они играют здесь практически ту же роль, которая во флексивных языках принадлежит словоизменению. Отсюда со всей очевидностью вытекает необходимость при описании грамматики китайского языка рассматривать значение каждого служебного слова в отдельности. Описание системы и значений служебных слов, таким образом, оказывается первоочередной задачей при характеристике любого периода китайского языка.

Но наряду с чисто служебными словами специфику языка отдельных письменных памятников – их хронологические, локальные и жанровые различия – весьма ярко демонстрируют слова полуслужебные. Те и другие претерпевают от эпохи к эпохе наибольшие изменения. Этим, вероятно, объясняется тот факт, что многие работы по грамматике древнекитайского языка представляют собой в общем словари пустых слов.

Таким образом, при первом обращении к малоизученному периоду истории китайского языка целесообразно сконцентрировать внимание прежде всего на пустых словах. Не случайно поэтому в данной работе, как и в наших предшествующих частных описаниях языка отдельных памятников (или жанров), центральное место отведено словам-заместителям и служебным словам.

Конечно, не менее существенную и необходимую часть общего грамматического описания языка составляют классификация знаменательных слов и характеристика синтаксических конструкций. Но и классы слов, и основные синтаксические конструкции оказываются для китайского языка, по существу, достаточно общими на всех этапах его истории. Детальное изучение имеющихся здесь частных различий может явиться следующим шагом исследования. Мы же в нашей работе затронем лишь отдельные синтаксические конструкции, главным образом те, в которых участвуют специфические служебные слова, а также те, которые в рассматриваемый период обладают существенным своеобразием.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Слова-заместители	25
Местоимения	25
Личные местоимения	26
Общая характеристика	26
Личные местоимения в функции определения	28
Выражение множественного числа	33
Слитные формы местоимений	37
Местоимения цыця и цза	38
Местоимения 1-го лица	38
Местоимения 2-го лица	55
Местоимения 3-го лица	63
Общие выводы	73
Возвратные местоимения	78
Вопросительные местоимения	97
Местоимения, применимые к лицам	100
Местоимения, применимые к не-лицам	106
Общие выводы	117
Указательные местоимения	120
Местопредикативы	145
Заместители числительного	162
Счетные слова к глаголу	179
Отрицания	190
Выражение вопроса	207
Предлоги и союзы	224
Служебные слова ба и цян	240
Глаголы с пассивным значением	252
Основной тип пассивной конструкции	252
Конструкция без подлежащего	260
Общие выводы	262
Каузативная конструкция	264
Варианты каузативной конструкции	265
Показатели каузатива по текстам	271
Общие выводы	274
Сложное предложение	275
Конечные модальные частицы	286
Заключение	303
Сокращенные обозначения использованных текстов	314
Список цитированной литературы	315
Указатель	321
Summary	336

SUMMARY

I.T. Zograph

Middle Chinese: Its Formation and Development

The book is an essay in describing Middle Chinese grammar in its historical perspective. The term refers to the variety of Chinese as "spoken" in the Sung and Yüan epochs – that which is usually considered to be the basic source of Modern Chinese (*paihua*).

The study is based on the sources now available, viz.: the collection of short stories "Ching pen t'ungsu hsiaoshuo", the novel "Shuei hu chuan", the so-called "Northern" plays *tsachü*, the "Southern" plays *hsiwén*, philosophical texts by Chu Hsi, the historical chronicle "Yüan-ch'ao pi-shih".

The study takes into account the relevant literature in Russian, Chinese, Japanese and Western languages.

The Middle Chinese grammar is analysed against the background of the pertinent features of the T'ang epoch language as exemplified by Tunhuang *pienwen* and T'ang texts *yülu* studied for the purpose. Due attention is paid to the subsequent development of the language towards Modern Chinese.

The goals of the study are explained in the Introduction where the language sources and the literature used are also described.

The bulk of the work is formed by the grammatical outline divided into sections. Each section is devoted to certain classes of function words or to particular grammatical constructions, viz.: (1) Substitute words (personal pronouns, interrogative pronouns, demonstrative pronouns, predicative substitutes, number substitutes); (2) Verb quantifiers; (3) Negation markers; (4) Interrogation markers; (5) Conjunctions and prepositions; (6) Function words *pa* and *chiang*; (7) Passive verbs; (8) Causative constructions; (9) Clauses; (10) Sentence-final modal particles.

The speech-forms are analyzed along the historical line. Each such form is traced back to its earlier analogue and, whenever deemed necessary, the future development is taken into consideration as well.

The dynamic trends thus found in Middle Chinese are outlined somewhat more precisely by a special statistical study whose results are adduced in a number of tables attached to each section. This allows to present the crucial dynamic features in a clear-cut manner.

The final part sums up the major differences between Middle Chinese and Modern Chinese.

An Index of the function words and grammatical constructions analyzed is attached.